БОЛЬШЕВИТ. СТАЛЬ
СТАЛИНСК, Зап. СИБ. КР.
9 28 ИЮН 1935

К новым успехам! К новым высотам театрального искусства!

НАШ ТЕАТР

Наш городской театр закончил свой театральный сезон. В течение 8 месяцев (ноябрь—июнь) ударники завода и стройки просмотрели 11 постановок. В числе их были пьесы классиков, как-то: Чехова, Островского, Максима Горького. Были показаны и лучшие пьесы советских драматургов: «Чудесный сплав» (Киршона), «Гибель эскадры» и «Платон Кречет» (Корнейчука), «Бойцы» (Ромашева) и другие. Каждая из театральных постановок—одна в большей, другая в меньшей степени—делала большое дело—она подымала культурный уровень зрителя, зрителя во многих, в тысячных случаях впервые приходившего в большой театр. Рост зрители, по словам артистов, заметен даже внешне. На первых спектаклях народ во время действия разговаривал, грыз семячки,—теперь зритель следит напряженно за развитием пьесы, а в зале образцовая тишина.

Вот почему окончание театрального сезона—большое, знаменательное событие. Пролетарская общественность не может пройти безразлично, не отметив положительных итогов работы нашего театра. Театр сделал многое. Отдельные спектакли запоминаются надолго и помогают зрителю по-новому осваивать окружающую обстановку.

Театр наш складывался не сразу. Сейчас мы имеем хорошее художественное руководство в лице тов. Громова и неплохой актерский коллектив: Томашевская, Шмидт, Ульянова, Коломенский, Литвинский, молодняк—Машков и Ермолаева, режиссер Зорин, художник Комаровский и другие.

Уже в этом году театр дал ряд прекрасных постановок («Враги», «Волки и овцы», «Платон Кречет», «Иванов»). Можно надеяться, что в будущем году мы будем свидетелями еще большего расцвета сталинского театра.

Подводя итоги сезона, наш зритель вправе отметить ряд недостатков и внести свои пожелания. Главный недочет—это вокруг постановок не велось достаточной разъяснительной работы. Взять такие пьесы, как «Гавань бурь» (Бальзака) или «Красное и черное» (Стендаль). Они отражают неизвестную массовому зрителю эпоху, и многие уходили, не поняв спектакля. Возьмем другие спектакли из советской жизни: «Чудесный сплав», «Личная жизнь», «Платон Кречет».

Зритель наш иной, чем прежде. Он не просто смотрит, развлекаясь, он делает из спектакля свои выводы. И часто зритель хочет побеседовать, высказать свое мнение по поводу виденного, проверить правильность своих заключений. Вот такой помощи массовому зрителю наш театр и культурные организации города не дали или дали очень мало.

Театральный коллектив идет на отдых. Пожелаем ему за это время набрать еще больше бодрости, которой дышет вся наша страна. Ударники Сталинска будут с нетерпением ожидать начала нового сезона, новых достижений своего, ставшего родным и близким, театра.

Артисты сталинского гортеатра. Слева направо: тт. Пантюшев А. С., Демор, Нерадомская Д. М., Дучман А. О., Шмидт, Машков А. И., Войтоловский Д. Я.

ХАРЧЕНКО, артист гортеатра

НАСЫЩАТЬ КОЛЛЕКТИВ ГЛУБОКОЙ ИДЕЙНОСТЬЮ

Наш театр заслужил похвалу. Это стимулирует в дальнейшей работе.

Мы очень неплохо вскрыли Чехова, не выдумывали головокружительных трюков, но показали по-настоящему, по-хорошему «Иванова».

Кульминационным пунктом нашего сезона, переломным большим событием в этом сезоне я считаю постановку «Волки и овцы». Недавно я приехал из Москвы. Был там около месяца, больше 20 спектаклей видел и определенное мнение о московских спектаклях имею. И вот на знании этих спектаклей могу сказать о постановке «Волки и овцы», что это большой, яркий спектакль, который кладет фундамент настоящей, подлинной художественной работе театра.

Видел воронежский театр, который гастролирует в Москве. Должен сказать, что я пришел к определенному выводу — добиваться у наших руководителей права поездки в Москву для показа своих спектаклей.

Теперь относительно недостатков наших, о качестве наших спектаклей. Вся беда в том, что мы до сих пор существуем в условиях так называемой периферии. Нам говорят—дайте больше спектаклей, но нужно учесть, что за 72 репетиционных часа большого и яркого полотна сделать нельзя.

«Платон Кречет» очень неплохой спектакль, очень неплохо актеры играют, и все-таки определенно чего-то нехватает, нехватает, мне кажется, большой актерской культуры. Московские актеры каждый день слушают лекции, они воспринимают культуру. Этой культуры мы здесь не имеем. Значит мы должны ее сами здесь создавать, значит мы должны работать над собой. К чему сводится наша работа? Мы имеем возможность только читать, но читать—этого мало, надо еще учиться, учиться по-настоящему.

Надавна тов. Постышев произнес прекрасную речь, в которой четко указаны требования к работникам искусства и литературы. К чему они сводятся? К требованию глубокой идейности. И это требование обязаны учесть и мы.

АКТЕР НЕ РЕМЕСЛЕННИК, А ХУДОЖНИК

***

КОСТРОМИТИНОВ, зав. культпропом крайкома ВКП(б)

Материалы, которыми располагает культпроп крайкома, говорят о том, что в этом сезоне сталинский театр был в крае на одном из первых мест.

Мне хочется сделать два-три замечания относительно общих вопросов, которые необходимы для дальнейшей работы театра. Сейчас, когда мы находимся на таком крутом под'еме нашего культурного роста, нельзя обойти такой вопрос, как вопрос о дальнейшей работе над собой работников театра. Качество у вас как будто бы сегодня неплохое, но однако качество нам нужно еще лучше, потому что то, что зритель получил сегодня, назавтра его не удовлетворит. Нет надобности это доказывать, и отсюда непосредственный вывод, который напрашивается для работников театра, для каждого артиста независимо от его амплуа, что надо будет неустанно подымать качество своей квалификации.

Если артист не будет работать над собой, то из него, в лучшем случае, будет ремесленник, деляга, так что он неизбежно должен будет повышать свое политическое развитие. Может быть он и не будет знать глубоко вопросы материалистической диалектики и всех тонкостей философии и т. д., но он обязан понять смысл сегодняшнего дня с точки зрения особенностей классовой борьбы, с точки зрения совокупности всех социальных переплетов. Если он не поймет этого—не будет из него хорошего художника. Это первое замечание и первая задача, которая будет лежать на каждом работнике театра и в первую очередь на руководителях театра.

Второе замечание—это насчет техники оформления той или иной постановки.

Мы, конечно, далеко ушли, если сравнивать, примерно, пару лет тому назад. Мы оформляем художественные постановки лучше, богаче и красивее. Но то, что мы делаем сейчас—недостаточно.

Мы зачастую и денег затрачиваем порядочно, но все-таки художественное оформление той или иной постановки у нас получается убогое: какая-нибудь задрипанная материя, какая-нибудь сломанная мебель, сколоченная 2-3 гвоздиками.

Плохо мы еще оформляем наши постановки, и мне думается, что тут беда не в том, что мы мало денег затрачиваем, а мало работаем и мало обмениваемся опытом.

Третье замечание—насчет роли театра в общественности. Было бы неправильно ставить так вопрос, чтобы театр, который по существу является единственным взрослым более или менее предприятием в Сталинске, с точки зрения своей продукции, чтобы он шефствовал над тем или другим цехом, шефствовал над Красной армией, над школой, над транспортом и т. д. Такая постановка неправильная. Когда шефствуют над Красной армией—это понятно, и тут несколько иной смысл: именно с точки зрения укрепления обороноспособности, проявления любви к Красной армии. Но когда речь идет о том, чтобы театр шефствовал над всем и вся, то такое всеоб'емлющее шефство надо прекратить.

Работа по общественной линии театра должна укрепляться не по линии шефства, а чтобы поднимать качество работы театра и прививать культуру, в широком смысле этого слова, общественности, обсуждать, как ту или иную пьесу ставить, почему она ставится, организовывать общественные просмотры, обсуждать ту или иную постановку, среди рабочей аудитории. Вот это обсуждение и есть проявление связи с общественностью, что и есть проявление того, что работники театра прививают культуру вообще, театральную и музыкальную в частности.

Одновременно я должен сказать о газете «Большевистская Сталь». Наша печать в крае и, в частности, «Большевистская Сталь» систематически не руководит театральной культурой.

Насчет детей. Требовать нельзя от театра, чтобы он ставил постановки для детей. Но мы можем требовать от работников театра постановки концертов, литературных вечеров специально для детей. Каково бы ни было амплуа, но тот или иной артист может прочесть ту или иную детскую вещь, выступить и передать более сносно, чем простой культработник. Опираться, во всяком случае, на работников театра для работы среди детей можно, и театру нужно по этой линии идти.

РАВИЧ, зав. радиовещанием

ДАЙТЕ НАМ КЛАССИКОВ!

В театре мы видим большой участок нашей культуры Сталинска в целом.

Когда я недавно был в Москве, то мне говорили: «Вот у нас идет «Чудесный сплав», ты наверно не видел этой пьесы». Я разочаровал своих московских друзей, рассказав, что не только видел эту пьесу в Сталинске, но видел ее в хорошей постановке.

У нас лучшие пьесы в театре шли одновременно с Москвой.

Мы имеем сейчас уже артистов, которые по своей культуре стоят очень высоко. Я, например, слышал такой отзыв: «Как она подлюку сыграла!». Это о Томашевской. Значит, образ дошел.

Мы видим, что такого артиста, как Коломенский, или молодого артиста тов. Машкова, публика любит и уважает.

Чего нам недостает — это оформления.

Если мы возьмем бутафорию, грим—мелочи, то увидим, что у нас с этим не всегда благополучно. Например, в «Красном и черном» монахов-послушников не смогли как следует загримировать. У них стрижка «бобриком». Словом, это разрушает полноту картины. В последнем акте «Чудесного сплава» посмотрите на наших командиров авиации. Разве они таковы в жизни, как представлены в театре?

Мы видим здесь плохо загримированных манекенов.

Что мы ожидаем от артистов, от руководителей театра в будущем? Мы хотим укрепления классического репертуара. У нас очень много [illegible] классическую литературу. Нам нужно, чтобы театр включил Шекспира; нам нужны «Горе от ума» и «Ревизор»; чтобы театр дал нам образцы классической западной драматургии, которую сейчас в столичных театрах дают, и не забывать таких вещей, как водевиль.

ЕГОРОВ-САВИН, стройкоксовый цех

ОТ „ХОРОШО“ ИДТИ К ОЦЕНКЕ на „ОТЛИЧНО“

Чуть ли не ежедневно люди из нашего коллектива стройкоксового цеха посещали театр, и я лично был почти на всех постановках. Уходя из театра, каждый испытывал полное удовлетворение. И тут же дорогой иногда незнакомому собеседнику высказывал свою оценку.

О «Поднятой целине» говорят, что она крайне неудачна. Если говорить об исполнении — исполнение не причем, потому что театр показал вполне художественные образы, которые идут на отметку «отлично».

У театра есть и минусы. Взять [illegible] собрались беспомощные таланты. Если посмотреть на эту руководящую группу общественных работников города, то получается довольно безотрадное впечатление: они стоят беспомощно и не знают, что им делать. Нигде не создается [illegible] мы, который находится накануне [illegible]

В намечаемом репертуаре на будущий 1936 год нужно ориентироваться на классиков. В этом году мы классического репертуара видели очень и очень мало, а если говорить о Шекспире,—несомненно, публика [illegible]

[illegible]

ИТОГИ и ПЛАНЫ

(Художественный руководитель театра И. Г. ГРОМОВ).

В течение текущего сезона, т.-е. за 8 месяцев театр показал 11 спектаклей—премьер. Это, очевидно, впервые здесь такой продолжительный сезон работы драматического театра. Это говорит за то, что театр, очевидно, в основном взял правильный курс, и говорит о другом,—что зрителю Сталинска действительно нужен настоящий театр, и говорит еще о третьем и очень важном,—что театр встретил здесь большую поддержку в лице организаций, которые помогают ему построить такой стационарный театр.

В театре прошли пьесы: «Гибель эскадры» А. Корнейчука—это пьеса из времен гражданской войны, «Иванов» А. П. Чехова, «Поднятая целина» по Шолохову, «Гавань бурь» Бальзака (Бальзака мы считаем своим автором, звучащим сегодня полнокровно), «Враги» А. М. Горького

Тов. ГРОМОВ.

(«Враги» написаны больше 32 лет тому назад, но эта пьеса хорошо звучит и сегодня), «Чудесный сплав» Киршона—очень бодрый спектакль, «Личная жизнь», «Волки и овцы» Островского, «Бойцы» Ромашева, «Платон Кречет» Корнейчука.

Наряду с показом спектаклей, театр провел еще значительную общественную работу, т.-е. связь с заводом с организациями, пьесы в цехи, связь с живыми людьми. Конечно, не сделал всего, не охватил всей территории завода, не охватил всех людей, нуждающихся в этом, но та работа, которая была проделана в текущем году, все-таки говорит о том, что театр был чрезвычайно внимателен к своим обязанностям.

Что мы собираемся делать в следующем году? Из прошедших пьес мы оставляем на следующий год «Волки и овцы», «Платон Кречет» и, вероятно, «Враги» Горького. Значит, три старых пьесы мы переносим на следующий год. Добавляем к ним на первый квартал следующего сезона «Аристократы» Погодина. Мы сейчас имеем готовый этот спектакль, но умышленно оставили его до следующего года. Затем пьеса западного автора; мы еще на ней не остановились, но, очевидно, это будет «Школа неплательщиков», и русская классика—«Ревизор». Эти три пьесы и три старых пьесы—репертуар первого квартала следующего года.

Всех пьес будет 10. В следующем квартале мы включаем еще 4 пьесы современных авторов—это будет уже 7 пьес, из них две пьесы западных классиков. Один из них будет Шекспир. [illegible]

Театр проработал 8 месяцев, пропустил очень большое количество зрителей,—на круг на один спектакль приходится 780 человек. По имеющимся у нас данным, это самое большое количество обслуживаемого зрителя в Западно-Сибирском крае.

При театре была организована студия для театра—теуч (театрального ученичества). Через два дня эта студия будет держать испытания и переходить на 2 курс. Значит, мы пытаемся здесь готовить нужные нам в будущем театральные кадры. В следующем году у нас будут два курса. Но этого мало. Нам нужно иметь в Сталинске техникум с классами музыки, живописи, литературы, изобразительного искусства.

На следующий год наша общественная работа вне стен театра, очевидно, пойдет несколько по другому руслу. В этом году мы разбросались, мы попытались охватить все, мы сделали бесконечное количество выездных бригад в цехи, и это нам не дало возможности бить по определенному участку, по узкому участку.

Самоунижением заниматься нет надобности,—мы какую-то работу провели, работу нужную, работу ценную. Но имеем и много минусов. Мы их подытожим, и на следующий год будем работать еще более успешно, опираясь на ту помощь, которую нам оказывали до сих пор местные организации.

ЗОРИН, режиссер театра

***

Мы чувствуем большую радость

Всякий мастер, тем более всякий художник, испытывает большое удовлетворение тогда, когда он видит какие-то конкретные результаты своей работы. Это стимулирует для дальнейшей работы. Я вижу эти результаты не только и не столько в той положительной оценке, которую получил сегодняшний день театр, хотя и [illegible] творческому горению, творческому энтузиазму, потому что, как правильно говорит Немирович-Данченко, надо иногда и поругать работников театра, но не мешает иногда их и похвалить.

Тов. ЗОРИН

Я вижу, главным образом, результаты нашей работы в том, что [illegible] зритель нас несколько пугал. У нас опускались руки. Мы были свидетелями, когда громко разговаривали, когда не слушали действия, хлопали друг друга, когда приходили в несовсем трезвом виде в театр. Сейчас мы не только не наблюдаем таких случаев, мы сейчас являемся свидетелями необычайного интереса со стороны массового квалифицированного зрителя к театру.

Вот маленький факт. На-днях я столкнулся лицом к лицу с рабочим, которого я не знаю. Он шел с работы. Он увидел меня, и расплылось у него лицо в приятную улыбку. Он сказал: «Очень приятно было посмотреть (это было после постановки «Платона Кречета»),—я был в театре, мне очень понравилось».

Он выразил свое удовольствие, высказал несколько замечаний относительно несплоченности массы; словом видно, что человек разбирается. Это был простой рабочий, который шел с работы.

Вот такие факты свидетельствуют, мне кажется, о большом росте культуры, и как раз это, думается мне, есть результат нашего труда. Это доставляет нам большую творческую радость и это источник для нас и стимул в дальнейшей работе.

Слева—сцена из пьесы «Личная жизнь» [illegible] (арт. [illegible] М. М.) [illegible] (арт. Ко[illegible] Н. М.). Посредине—вверху арт. Томашевская А. С., внизу художник Комаровский. Справа—арт. [illegible] («Бойцы»).

КАНАТЧИКОВА, зам. заведующего горОНО

***

ЗА РОСТ ЗРИТЕЛЯ!

В театре забыта одна форма общественной работы—непосредственное обслуживание зрителя в смысле полного восприятия спектакля. Возьмем, например, «Волки и овцы». Почему бы не дать небольшую выставку, которая отражала бы эпоху? Это, безусловно, имело бы огромное значение и помогло бы лучшему восприятию пьесы.

Кроме того, тут, мне кажется, у театра слабая связь со зрителем, опять-таки внутри театра. Почему он не издавал стенной газеты, которую не артисты [illegible] тели?

Затем [illegible] который бы во время генеральной репетиции обсуждали пьесу. Это дало бы некоторые [illegible] и вообще это был бы общественный просмотр [illegible]

Можно было-бы во время перерывов устраивать беседы. Это было бы большей общественной работой и вело бы к поднятию культурного уровня зрителя.

ПУТИНЦЕВ, работник горкома комсомола

***

АРТИСТЫ,—К ПИОНЕРСКОМУ КОСТРУ!

Необходимо отметить работу двух артистов городского театра—Воронцовского и Кожевникова.

Тов. Воронцовский провел серьезную и большую работу с драмкружком в 12 средней школе. Работа эта чрезвычайно показательная. Литкружок и драмкружок выступали на олимпиаде и получили неплохую премию.

Вася Кожевников, как его зовут все дети, организовал затейничество в целом ряде крупнейших школ: в 12-й, во 2-й и еще в ряде школ нашего города.

Сейчас дети уехали в пионерские лагери. Мы будем приглашать товарищей артистов к пионерскому костру. Мне бы хотелось, чтобы часть работников театра сумела побывать в пионерских лагерях и выступить перед детьми с интересными рассказами.

СОЗДАТЬ СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР

Начиная с 1931 года, когда здесь появился уже постоянный театр, надо прямо сказать, что нынешний [illegible] наиболее удачный. Прежде всего [illegible] части репертуара мы имели с самым минимальным опозданием все то, что [illegible] в Москве.

Хочется выразить пожелание [illegible] музыки.

Надо сказать, что в Сталинске музыку любят. Но мы лишены возможности слушать симфонический оркестр. Мы [illegible] новые оперы, которые сейчас гремят—«Леди Макбет», «Катерина Измайлова» — Шостаковича. Затем [illegible]

Театр имеет слабый оркестр, и он не может дать в этом отношении того, что мы хотим. Мне хотелось бы, чтобы на будущий год театр довел свой оркестр до такого предела, который позволил бы нам послушать симфоническую музыку, познакомиться с классиками и современной музыкой.

Дьяконов, сотрудник газеты «За соцгород».

НУЖНЫ СПЕКТАКЛИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

От пионерорганизации я вношу предложение, чтобы в следующем сезоне театр поставил несколько пьес, которые были бы подходящи для детей, или хотя бы концерты. В этом сезоне было поставлено несколько дневных спектаклей, но они были непонятны нашему возрасту.

Тереш, пионерка-школьница